

АЛЕКСАНДР
КОЛУПАЕВ

НЕРАЗМЕННЫЙ
ПЯТАК

ДЕТСКИЕ РАССКАЗЫ

Александр Алексеевич Колупаев

Неразменный пятак

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23520341

Аннотация

Бежим мы по жизни – торопимся! Так много всего хочется получить. Кому профессию, кому должность, славы кому-то подавай. Хорошо было в детстве – есть пять копеек и заветный билет в кино, у тебя в кармане! А если этот пятак, да еще и волшебный?! Тогда всё просто замечательно – сколько чего не покупай, а он к тебе вернется! Скажете – так не бывает? А вот и нет, бывает! Прочитайте сами и узнаете.

Содержание

От автора:	4
Конец ознакомительного фрагмента.	30

От автора:

По многочисленным просьбам читателей, а особенно уважаемых читательниц, создан этот сборник детских рассказов. Некоторые из них вы могли прочитать в других книгах, другие только в этом сборнике. Приятного прочтения!

Неразменный пятак.

Сборник детских рассказов.

Валерка.

Черным вихрем пролетела последняя война по селам и деревням нашей области. И, хотя, на нашей земле не гремели бои, но мобилизация частым гребнем вычистила почти всех мужчин, а оставшиеся бабы, да девки изнывали в тяжком труде. «Все для фронта, все для победы!» лозунг этот висел не только в сельских клубах, да конторах, он был в сердце каждого жителя нашей области.

Почти у самого истока Белой Убы, в десятке километров от скалистой громады, поросшей кедром горы Синюхи, стоял поселок лесорубов – Кедровка. Пять десятков домов, контора лесоучастка, изба-читальня, она же клуб, вот и весь

поселок. Не ищите вы его на карте, нет Кедровки, разъехались кто, куда последние жители, давно разъехались, в 58 году. Однако в военные годы жизнь кипела и в этом медвежьем углу. В летнюю пору бабьему, да вдовьему трудовому населению нужно было не только выполнить план по лесозаготовкам, но успеть вырастить огородину, запастись сеном для лошадей и редких коровенок. Хорошо было еще подспорье – подрастающие мальчишки, всего пятеро, а в сенокос, свозить там копны, да и с вилами под скирдой подавать высохшую душистую траву, хорошая подмога. За главного был у них Валерка, 15 лет, а суждение и ухватка в делах – любой взрослый позавидует! Так и выросли они в трудное военное лихолетье. «Ничего, порой мечтали они, вот вернутся отцы, отдохнем!» Вернулись, но не все, на Валеркиного отца еще в 41 пришла похоронка. Всего то и пришло с фронта 6 человек, а уходило 54. Да и на троих пришедших надежды было мало – калеками пришли с войны. Деревенька воспрянула было духом – гуляли два дня, а как же? За победу, за вернувшихся односельчан, можно было. Мальчишки и те захмелели от медовухи. Валерка вот только не пил, характер у него был упрямый, твердый как гранит на белопенных перекатах реки, сказал как-то раз «Не буду ни пить, ни курить, ни к чему мне это» Сказал – как отрезал.

Настали трудовые будни. После победы дел не поубавилось. Вот только фронтовики соберутся вместе и по сто «фронтовых» примут, не торопятся работать. «Мы свое на

фронте выстрадали, под смертью столько годков хаживали!» отвечают какой либо урезонивающей их бабенке. Та и отстанет. Косы да вилы на плечи и на дальние лужки пешком, сенокосная пора коротка в предгорьях.

Приехал в один из дней в деревню племянник дяди Пети, навестить солдата вернувшегося с войны. Чудно был одет – брючки черные, узенькие, рубашка беленькая, на груди какие-то рюшечки, оборочки, как на бабьих кофточках, на ногах черные ботиночки, блестят лаком, это-то по нашей пыли! «*Чего это ты, Колян так вырядился?*» донимали его мальчишки, Объяснил он им: «*Предки мои, в восьмом колене были испанской знатью, гранды испанские богатющие*» «*Да откуда ты это можешь знать?*», «*Генеалогическое древо свое составлял, по архивам да библиотекам*» парировал выходкам мальчишек Колян. «*Какое еще геологическое дерево?*» изумлялись парни. Затеяли было дразнить его, да вертким оказался городской парень, разбил быстро парочку носов, а когда местные схватились за колы, деревянный шест в его руках чудным образом выбивал из рук нападавших их грозное оружие. «*Темнота, смеялся Колька, фехтовать научится надо было, нет мне среди вас равного!*»

Приуныли парни – а как же, наших бьют! Валерки в ту пору в деревне не было, покос далёко, чего зря туда-сюда мотаться, вот и рассудил он – оставаться на покосе пару ночей.

Лошаденка его отдохнет, попасется в ночном. Волков не опасался он, в летнюю пору не опасны они, а вот медведи!

Но у Валерки и тут припасена была хитрость – насобирали он за кузницей железяк разных ржавых, да не годных, поджег на каждой из них пороху понемножку, да и разложил вокруг своего стана. Не пойдет медведь дальше, если почует железо и запах пороха, ученые они на это, самой жизнью ученые.

В субботу въезжает Валерка на своей лошадке в деревню, а о лошади его надо сказать отдельно, особенная была лошадь, как собачка слушалась Валерку. Кто другой сядет на неё, вроде все команды выполняет, а не так, все норовит то резко повернуть, то враз остановиться, не управится с ней никак! Так к ней никто не подходил, все признали её хозяином Валерку, да и кличку дали лошади тоже – «Валерка», по имени хозяина.

Проезжает Валерка на своей лошадке мимо клуба, а там парни вместе с этим – «испанским грандом» кучкуются. Как увидели, и давай зубоскалить: «Во! Валерка на «Валерке» едет!»

Колька у них теперь вроде за жоака, каждому охота перед ним показаться. Подходит он к Валерке и говорит: «Ну чё, дай прокатиться?». Валерка с удовольствием слез с лошади: «На!»

Стал в сторонку и смотрит, как дальше будут развиваться события. А Колян ботиночки лопушком обмахнул и на Валерку-лошадку взгромоздился. Та только ухом повела. Понукнул её всадник. Понеслась лошадь бодрой рысью. «Стой! Стой! заблажил Колька». Кое-как развернул её обратно и к

клубу подъезжает. Вспомнил про поводья и натянул их. Лошадь встала как вкопанная. Через её голову кубарем скатился «испанский гранд» Колька с лошади и брякнулся в пыль. Ну не разбился, а вот обиды и злости много в нем сразу накопилось. Да и как её не быть – ржут парни, а на крыльце девчонки заливаются от смеха.

Колька сразу к Валерке и за грудки его давай трясти: «*Все ты, орет, со своей дурацкой лошадьё!*» Валерка так легонько его руки отвел, чудно так перехватил, не по-деревенски крутанулся, и Колька брякнулся на колени в пыль. «*Ах, ты так!*», злость и обида вскипели в крови «испанского гранда», Оторвал он кол поухватистей от ограды и на Валерку. Парни не успели даже встать между ними! Валерка с места не сдвинулся, только боком повернулся и на удар выбросил правую руку вперед и вверх, раз, поворот и Колька снова кувыркнулся через собственное оружие. «*Все, спокойно так сказал Валерка, надоел ты мне!*» Кинулись мы к Валерке: «*Что, да как, научи и нас так же!*» Отмахнулся он: «*Потом, потом*», говорит. Развернулся и пошел напрямиком к подвыпившим фронтовикам. Те, отдыхая, сидели на лавочке, дымили махоркой и наблюдали за потасовкой парней.

«*Что, отцы, защитники, сидим, отдыхаем?*» – на Колькин вопрос они только бровью повели.

«*Мы, трудились не покладая рук, «Все для фронта, все для победы!*», думали – вот вернетесь вы, жить полегчает, а вы? Пиво, да самогонку день-деньской хлещете, толку от

вас никакого!» «Ну, ну, ты полегче, пацан» – лениво огрызнулся Валеркин сосед, дядя Ваня, «походил бы под смертью, с наше, так знал бы почему он этот фронтовой порох!»

«Не моя вина, что годами не вышел и на фронт не попал, а попал бы, так не драпал бы до Москвы, пока задницей в Кремль не уперся», эх как понесло Валерку!

Фронттовики аж задохнулись от гнева: «Ну, ты, щенок, мы кровью своей, жизнями своими, победу добыли, а ты нас срамить, да поганить вздумал!»

«А что бы без нас, нашей помощи стоила ваша кровь да жизнь? срезал их порыв Валерка, а вернулись вы и за работу? Так сразу бабам да нам пацаньятам полегчало? «фронт-овые сто грамм, фронт-овые сто грамм», только и слышно от вас, да перекуры бесконечные, лишние рабочие руки так сейчас ох, нужны!»

Переглянулись мужики, потупились: «Ты нас не кори, привыкли мы к выпивке, да крепкому табачку, вот повзрослеешь и сам пристрастишься, понимать нас тогда станешь»

«Ни пить, ни курить я не буду, твердо заявил Валерка, глупости это все, человек без этого обходиться может. Вот, если курить человеку было необходимо, так он с трубой на голове родился бы, дым выходил легко, а пить было так важно – то три ноги у него было бы, домой всегда доходил, не в пример некоторым не валялся под заборами! А для работы и всего остального у него все есть!» Дружно

захохотали мужики, pokrутили головами и потихоньку разошлись по домам. Назавтра вышли все на работу. Урезонил их Валерка!

Приезжал он один раз, лет пятнадцать назад приезжал. Перестройка вовсю уже прошла по селам да городам катком нищеты да безработицы. Ученым он стал, а как же? Валерка, он упрямый – своего добьется. Нашел каким-то образом меня, и поехали мы на родное пепелище. А что? Очень даже, похоже! Бурьян да крапива, березки вымахали на месте нашей улицы, и только река все также вгрызалась в крутые бока валунов. Прошлись мы по местам, где стояли наши бревенчатые дома и потянул меня Валерка дальше в тайгу. Прямоком на дальний покос. Нашел он одному ему приметное место и стал разгребать землю под замшелым валуном. «Ну, думаю – клад ищет!»

Вытаскивает он березовый туесок, оттряхнул от земли, береза она не гниет годами в земле.

Ножом срезает пропитанные дегтем кожаные ремешки, а под крышкой – сплошной комок воска!

Поковырял он, аккуратненько, этот воск и достал оттуда четыре тетради, простенькие тетрабочки, но старинной, до-революционной работы. «*Это мне отец завещал, а ему дед*» ответил на мой вопрос Валерка. Пока шли обратно, поведал он мне свою семейную историю. Дед его служил царю – батюшке в особых войсках, это что-то вроде наших спецназовцев. В тетрадках тех, сборник всех приемов рукопашного

боя – русское «кун-фу», а что? Почище китайских приемчиков будет!

Валерка в молодые годы тренировался потихоньку на покосах, в стороне от любопытных глаз.

Эх, сколько бы жизней можно было спасти попади до войны эти тетрадочки в нужные руки! Покачал головой только Валерка: *«Упекли бы отца, да меня куда подальше, за эти тетрадочки, время было, сам знаешь какое – расстрельное, сын белогвардейца, да внук белогвардейца, кто бы с нами стал бы считаться!»*

Эх, Россия, Россия! Не помним мы ни героев своих, ни былых своих достижений!

Не ищите вы Кедровку на карте, последний раз были топографы в 1947 году, спросили у местных: «Как поселок называете?» «Какой поселок? Одни вдовы остались!», отшутился кто-то из местных. Только то и остался на старой карте маленький кружочек вместо поселка лесорубов, с печальным названием – Вдовый.

А Валерка? Валерий Ерофеевич, теперь академик, директор какого-то военного института, ракету они сделали, да такую, что другую ракету сбивает на лету! Американцы большие деньги ему предлагали, звали в Америку. Только сказал им Валерка, сказал, и снова как отрезал: *«Я, родиной ни оптом, ни на вынос не торгую!»*. Где им торгашам знать, как пахнет свежее сено, да блестит роса поутру на траве, и не было у них вдовьих поселков, пусть даже и оставшихся толь-

ко на старых картах.

Мышка.

Между амбаром и сараем для птицы, было небольшое пространство. Хозяин двора хранил там ненужные вещи. Ну, не совсем уж и ненужные: на селе всё, когда-то да пригодиться! Так и ждали своего часа какие-то ящики, старые вёдра без дна и разобранная железная кровать с красивыми шишечками. Летом все прорастало крапивой, да ещё два огромных лопуха прочно закрепили свое право на эту землю. Вот в этом райском уголке и родилась Мышка.

Мышкой её прозвали братья и сестры. Их было у неё пятеро – три брата и две сестрички. Мышке казалось, что у неё все, как у всех – мягкая серая шерстка, полукруглые ушки, которые могли так красиво торчать на макушке, черные бусинки глаз и в меру длинный хвостик. Мама говорила, что её младшая дочь самая красивая, самая весёлая и смышленная. Может, поэтому старшие немного завидовали ей и дразнили малышкой. Вот так и называли: мышка – малышка! Только играть всегда звали: Мышка была заводилой во всех играх и придумщицей новых.

Мама сама показала мышиною ребятне место под прочным ящиком и предупредила, что бы никто, не посмел даже носа высунуть из под него.

Там, на просторном сельском дворе, неразумных мышек

поджидали многие опасности. Но самой страшной бедой был, конечно, кот! Мышка всегда слушалась маму, но ей казалось, что самым ужасным на дворе был петух. Вон он как рано начинал громко кричать! После его криков Мышке становилось так страшно, что она не могла уснуть! В их норке было всегда сухо и тепло. Мама-мышь натаскала много мягкой травки и даже нашла где-то пять пушистых перьев. Папа – мыш, сразу сказал, что одно перышко потерял петух. И хотя оно было самым мягким и самым теплым, Мышке всегда казалось, что этот неведомый враг и разбойник придет и отберёт его.

Ей даже приснился сон – огромный петух, ростом выше мамы и даже папы, подкрадывается к ней, срывает с неё яркое перышко и громко орет: «Отдавай – это моё!»

В страхе она просыпалась и чутко прислушивалась – нет, никто не подкрадывается, да и папа, лежит у входа в глубокую норку.

Наконец она набралась храбрости и спросила папу: видел ли он петуха?

Папа рассмеялся над Мышкиными словами, но потом стал серьезным и предложил ей посмотреть на этого громкоголосого страшила. Мышка согласилась. Они с папой прокрались к углу сарая и Мышка, с замиранием сердца, увидела, какой огромный мир расположился за пределами ящика, под которым они играли!

И хотя это был не такой уж и большой сельский двор, для

маленькой мыши он показался бесконечным. По двору бродило множество нелепых зверей. Да что там, это были настоящие уроды! У них было всего по две лапы, вместо четырех, хвост был пушистым и торчал вверх, но большее всего уродливым был нос! Он был длинным и острым.

– Вон, смотри, – затормошил Мышку папа, – вон, тот с самым пушистым и длинным хвостом и есть петух!

Этот урод, сам себе, казался очень важным. Мышка потом не раз изображала, как он ходит по двору, размахивает этим цветным помелом, тьфу, чуть не сказала хвостом!

Её братья и сестры просто катались по полу от смеха, когда она, зажав в зубах травинку, показывала им, как петух глупо стучит своим носом по полу. Но сейчас она во все глаза смотрела на неведомых ей зверей бродивших недалеко.

– Смотри, Мышка, вон тот зверь, тоже опасен, и зовут его Дружок, это дворový пес.

Дружок был не столь безобразен как этот задавака петух. У него были четыре лапы, черный нос и даже хвост, правда, не такой как у Мышки, но очень похожий.

– А почему вон те лопухи не такие как у нас? – Мышка настолько осмелела, что даже спросила папу, показывая на диковинные растения.

– Это не лопухи, – это цветы! Видишь, они растут вдоль дорожки, по которой ходят люди. У цветов бывают такие красивые штучки вверху, и люди их так любят, что даже срывают и приносят к себе домой! Эх, если бы не кот! Мы бы

тоже пробрались к ним в дом – там столько много всяких разных вкусностей!

– И даже сыр там есть? – удивилась мышка.

– Да что там сыр! Там есть колбаса, изумительно вкусный шоколад и сухарики, которыми так забавно хрустеть!

Мышка не знала, как можно хрустеть сухариками и что такое колбаса, а вот про сыр она слышала. Ночью, папа жаловался маме, что этот толстый сосед, не только обжора, но еще и лентяй. Вон, вчера он прорыл ход в амбар, только на пол лапки, а должен был больше. Мама тихонько отговаривала папу от этой глупой затеи – прорыть ход в амбар, где какой-то неведомый Мышке человек хранил просто целый клад.

Родители Мышки говорили о каких-то вкусняшках, но больше всего вспоминали про сыр. Мама не раз говорила об опасностях, подстерегающих в амбаре, но Мышка уже плохо слышала – она провалилась в сон.

Снился ей этот неведомый сыр. Был он такой большой и толстый, словно зерно гороха, которое однажды принес им папа. И такой вкусный! Мышка даже облизнулась во сне.

Ей было так жаль, что она не услышала всего разговора, да и сейчас, когда они с папой, вскарабкавшись на высокое место, осматривали двор, она тайком высматривала место, где может лежать этот самый сыр. Но тут папа сильно встревожился и даже тронул её лапкой:

– Вон, вон там, смотри – это самый страшный наш враг

– кот!

У мышки от страха даже замерло её маленькое сердечко, она ожидала увидеть огромного страшного зверя с тысячей зубов и миллионом когтей. Но вместо этого увидела не столь уж большого зверя очень даже похожего на собаку, а еще больше на своего старшего братца – Тимоху. Только больше. Как и у Тимохи, у кота были такие же смешные, торчащие во все стороны усы и в игре он так же мог задирать кверху свой хвостик.

– И вовсе этот кот не страшный! Вон, дворовый пес, даже страшней его!

– Что ты понимаешь! Кот быстрый, ловкий у него длинные и очень острые когти и страшные зубы! Он ловит мышей, играет с ними, до тех пор, пока они не перестают двигаться от усталости и потом, всё...

– Что всё? – не поняла Мышка, – ну поиграет, так отдохнуть можно и ещё поиграть, зачем же всё?

– Какая ты у меня не понятливая! – Мышке даже показалось, что папа рассердился на неё, – все – это значит, он её съест!

От испуга Мышка даже свалилась вниз с невысокой дощечки, на которую они взобрались, что бы лучше рассмотреть двор, и бросилась бежать под защиту прочного ящика.

– Ну что, – спросил её папа, догнавший у спасительной щелочки, – теперь ты увидела страшного кота?

– Видела, – ответила Мышка, дрожа от страха, – он боль-

шой и противный!

К вечеру страхи понемногу улетучились, и Мышка чувствовала себя героем. Она в который раз рассказывала про все свои приключения, случившиеся утром, и так увлеклась, что стала немного приукрашивать, добавлять то чего и не было на самом деле. И петух в её рассказе был глупым и дворовый пес – грязным и ленивым и даже кот, противный и злой кот, вредным и наглым. Хотя хозяйева давали ему вволю сыра. Ох уж этот сыр! Мышка почти откровенно врала, что на дворе просто горы этого лакомства, жаль, что охраняет эти сырные горы пес!

– Так и ходит, так и ходит и охраняет, все время, даже ночью не спит! А зубы у него – во! – она брала соломинку и ловко перекусив её пополам, показывала какие у пса Дружка зубы. Все ахали, все пугались и даже пару раз от испуга заскочили в норку.

Но однажды, вредный Тимоха почесав лапкой за ухом, вдруг спросил:

– А почему тогда этот пес не слопает весь сыр? – и простодушно зевнул.

– Почему, почему! – передразнила Мышка, – сказали – охраняй, значит – охраняй!

Но тут все мышата разом загалдели, подняли такой шум! И все поняли, что Мышка здорово насочиняла про сыр. Решила мышинная ребятня, что хоть маленький кусочек, да отщипнул бы этот пес от сыра. Не убудет! Вон его, какие горы.

Тут на шум прибежала мама, и попросил всех не галдеть – папе ночью на работу. Мышата знали, что их папа, вместе с толстым и неповоротливым соседом, копают подземный ход в какой-то амбар. И выкопали уже очень много – не сегодня, так завтра, проберутся в амбар.

Ночью, когда папа ушел копать ход в этот таинственный амбар, Мышка долго не могла уснуть. Конечно, было стыдно, что она насочиняла про сыр, но ей так хотелось, что бы все мышата в округе знали о том, какая она смелая и бесстрашная. Вот даже кота не боится, не то, что там какого-то пса! И решила она, что всю ночь совсем не будет спать. В голове её созрел план. Был он настолько хорошим, что Мышка даже похвалила сама себя.

Очень простым был план – надо дождаться папу и по его следам проникнуть в этот таинственный амбар.

Придумано – надо делать!

Мышка ворочалась с боку на бок, гладила лапками мордочку и даже два раза больно царапнула себя, и все для того чтобы не уснуть. Наконец пришел папа. Мышка собралась было незамеченной проскользнуть мимо, но несколько слов сказанные папай, заставили её прислушаться. Папа тихим, но очень встревоженным голосом, говорил о том, что им удалось проникнуть в амбар. И пока он, очищал и расширял норку, этот ленивый и толстый сосед, проскользнул внутрь амбара и радостно завопил, что он нашел сыр и потащил его к себе. Дальнейшие слова папа произнес совсем тихо. Мыш-

ка уловила только несколько: «больше не придет», «мышеловка захлопнулась». Эти слова ей ничего не говорили, а вот то, что они нашли сыр

Нет, ночью мимо папы и мамы незамеченной не проскользнуть! «Пойду завтра днем!» – решила Мышка и сразу же крепко заснула.

Завтра она торопливо погрызла зернышко и сладкие корешки, которые дала мама и, дождавшись когда все поели, побежала туда, где её папа, скользя под доской, проделал ход в амбар. В спешке она даже не заметила, как Тимоха увязался за ней.

Мышка сильно не боялась, норка была широкой и вела прямо под бревно амбара. Она не стала выскакивать сразу из норки – страшно всё-таки! Осторожно высунула кончик носа, самую – самую малость, и долго нюхала воздух. Запахи были разные: пахло человеком, зерном и чем-то необыкновенно волнующе-вкусным. Было тихо и довольно темно. Нет, Мышка прекрасно всё видела, её глаза привыкли к темноте норки, и она решилась вылезти наружу. Ещё раз прислушалась и принюхалась – никого! И тогда смело пошла на вкусный запах. Он стал очень сильный, когда она приблизилась к небольшой дощечке. Правда пахло и железом, но к этому запаху она привыкла, и не обращала на него внимания. Она проворно вскарабкалась на дощечку и тут увидела его – сыр!

Сыра было так много, что она решила: погрызет сама, да и принести в норку останется. Уж очень ей хотелось доказать

всем что она не обманывала.

Мышка проворно подбежала к сыру и затеребила лакомство.

– Не трогай! – услышав голос отца, Мышка вздрогнула и резко дернула сыр на себя. И тотчас обрушился страшный грохот! Он был, казалось везде и с боку и сзади. Даже вся дощечка подпрыгнула. От неожиданности Мышка замерла, и сидела так, пока папа не затеребил её:

– Ты живая! Какое счастье, что мышеловка не убила тебя! Идем скорее домой!

Мышка повернулась – сзади мялся её толстенький братец Тимоха. Это он сказал отцу, куда она направилась.

– Возьмем хоть кусочек сыра! – взмолилась она.

– Да бери ты его хоть весь, мышеловка теперь не опасна, – откликнулся отец.

Весь этот день Мышка ходила героиней! Ещё бы – она перехитрила мышеловку, и все поели вкусный сыр. Такой успех немного вскружил ей голову, и она чуть не потеряла её, вместе с лапками и хвостиком. После ужина она уснула сразу. Спала так крепко, что даже не слышала, как Тимоха стащил с неё мягкое перышко. Утром, обнаружив пропажу, мышка не расстроилась и принялась строить планы на весь день. Первое – нужно было показать всем кота, второе – может этот задавака – петух снова потерял где-то цветное перышко? И чего он всё их теряет? Наверное, у него их много!

Успокоившись от такой мысли, Мышка, собрала всех мы-

шат на место их постоянных игр. Под ящиком было ещё немного темно, солнце не перевалило за полдень и не светило сквозь щели. Мышка как самая смелая вылезла первой и вскарабкалась на горочку возле угла амбара. Отсюда весь двор было видно хорошо. Бродили куры, смешно дрыгая лапами, чего-то разгребал петух, пес Дружок дремал возле будки. Кота нигде не было видно. Мышатам было очень тесно на горочке, но любопытство было таким сильным, что они сидели тихо и не толкали друг дружку. Первым кота заметил Тимоха. Мышка так красочно рассказала про его лапы, усы и хвост, что узнать его просто было невозможно.

Кот, не торопясь, шел по дорожке. Когда он повернулся, мышата замерли от ужаса – в зубах он держал – мышшь! Всех как ветром сдуло с горочки! Правда Мышка немного задержалась: неудобно было перед всеми. Вчера вон как храбро себя вела, даже мышеловки не испугалась, а тут – какой-то кот.

А если честно признаться: то у неё от страха даже трясся хвостик!

Она сразу сообразила, что её трусливые братья будут толкаться и мешать друг другу и не проскочат быстро в щелочку под защиту ящика. Поэтому она следила, что будет делать кот. А этот ужасный зверь, не спеша подошел к странному стулу на трех ногах и стал играть с пойманной мышью. Мышка вспомнила слова своего папы: «Поиграет, поиграет и всё!» Ей так стала жалко бедную пойманную мышшь, что

она даже на минутку забыла про свой страх. Она твердо знала, что надо освободить бедняжку, спасти от острых когтей и страшных зубов кота. Но как?! И тут она сообразила – а вот как: воды боятся все! И мыши и кошки, вон даже пес Дружок прячется во время дождя в будку. Но на небе не было ни одного даже маленького облачка. Зато на стуле стоял синий кувшин с длинной ручкой и в нем, конечно же, была вода! Этот странный человек поливал из него цветы. Мышка сразу сообразила – ей не перевернуть тяжелый кувшин. А вот если бы стул наклонился, то кувшин сам свалился бы на голову этого страшилища. Не зря мама называла Мышку умницей! Пробраться в густой траве к ножке стула, острыми коготками сделать ямку под ножкой и этот противный и ужасный кот вымокнет и ему станет не до пойманной мыши. Всё оказалось почти, так как и задумала Мышка, только ямку копать было очень трудно – мешали корешки и травинки. А тут ещё кот вдоволь наигравшись, улегся отдыхать на прогретую солнцем дорожку. Мышке приходилось постоянно поглядывать в его сторону, не поднял ли он, чуткое ухо, услышав её возню. Страшно было и то, что ножка стула, скользнув в ямку, могла придавить лапку. Но тут удача улыбнулась ей – довольно толстый корень проходил как раз поперек вырытой ямки и надёжно держал тяжесть стула. Решив, что ямка достаточно глубокая, Мышка села сбоку и острыми зубками стала перегрызать корешок. Ей пришлось, дважды затаится, так как кот стал прислушиваться к шуму от её возни.

Последняя ниточка корня скрипнула на её зубах, ножка стула резко соскочила в ямку, кувшин, качнулся и, скользя, опрокинулся вниз. Кот, внезапно очутившись под струей воды, от неожиданности подпрыгнул и головой угодил как раз в кувшин. Он бешено молотил лапами стараясь сбросить невидимого врага, катался по земле, но кувшин не хотел сниматься с его головы. Мышка спряталась было неподалеку от него, но потом, заметив, что её злейший враг не видит даже собственных усов, быстренько подбежала к его добыче. Она хотела сказать пойманной мыши: «Убегай, я тебя освободила!» – и скромно убежать к себе в норку. Однако бедняжка уже даже не шевелилась, наверное, кот её задушил.

У мышки от жалости даже сердечко забилося быстрее, и она тронула лапкой неподвижное тельце. Вот это сюрприз! Это была обыкновенная игрушка! Сшитая из тряпочек, с верёвочным хвостиком, просто любимая игрушка кота.

– Бежим, скорее, домой! – папа снова оказался рядом, – видишь, на шум вышел человек и сейчас он освободит кота!

Дома он, незаметно для всех сердито глянул на Мышку, затем громко сказал:

– А наша Мышка не только самая умная, но и ловкая! Она даже кота поймала! Пусть знает, как обижать нас!

Домовой.

Отец рассказывал. В годы его малолетья семья жила бедно. Приходилось экономить на всем, в том числе и на еде.

Спасал свой огород, да на подворье по утрам, петух звонким голосом будил два десятка куриц. По строго отмерян-ным праздникам и воскресным дням, на большой сковороде, скворчала и шипела рассерженным котом, яичница, которую обзывали смешным и непонятным для него, четырехлетнего сорванца, словом – «глазунья». Вкуснотища! Пальчики об-лижешь и удача, если вдруг достанется добавка.

А вот конфеты, сахар и печение покупались мало, да и не часто.

Бывали еще дни, когда отец приносил в дом зарплату. Это были два три бумажных кулечка, в где лежали пересыпан-ные сахаром сладкие кругляши конфет, которые все поче-му-то звали – «Дунькина радость». Отец передавал заветные кулечки матери со словами: «Ну-ко вот, Варвара, прими по-лучку!» Мать, светлея лицом, выдавала по две конфетки к чаю, а остальное прятала на верхнюю полку громоздкого бу-фета.

Однажды ночью проснулся мальчуган, пить сильно захо-телось, пошел на кухню. Мимо буфета шел. И так ему конфет захотелось, что пододвинул он стул к буфету, вскарабкал-ся на его выступ и, пересиливая страх высоты, достал себе немного конфет. Все не взял – соображал, что плохо посту-пает. После того как проделал он эту операцию ещё и днем, мать, раздавая конфеты, пожаловалась: «Наверное, домовый завелся у нас в доме, Леша посмотри, из-под веника я сор выкинула?» Лешка сбегал, посмотрел. Под веником мусора

не было.

Бытует такое поверие в селах, что если хозяйка нерадива, да ленива, мусор заметет и веником прикроет, у такой домовой прячет вещи и всячески всех досаждаёт.

«Придется ловить домового, чтобы не шалил больше!»

Утром проснулся Алексей, зовет его отец: «Иди, полюбуйся, наш домовой попался!»

Подбежал мальчик посмотреть на это чудо. Только нет его.

Ставит отец Лешку на стул. Видит он, по нижней полке буфета, которая выступала далеко вперед, тонким слоем мука рассыпана, а на муке следы от маленьких босых ног и отпечаток ладони.

«А у нашего домового всего четыре пальчика на руке» говорит отец.

«Неправда, заревел маленький проказник, у меня все пальцы на месте!»

Джувльбарс.

Вон сколько лет прошло, а история эта все никак не позабудется. Нет, нет да и всплывет в памяти. И так я над ней размышляю и эдак её пытаюсь понять, а выходит – вся наша жизнь вовсе не то, что видим мы вокруг себя. Хорошо бы сослаться на некоторое затмение памяти, или на чей – то гипноз, но, увы, слишком много материальных следов, да

и невольный свидетель произошедшего события, частенько напоминает об этой более чем странной истории.

Детство мое прошло среди южных отрогов Калбинского нагорья, на востоке Казахстана. Климат ещё не испортился основательно, и десяти, пятнадцатидневные жаркие дни сменяли грозовые дожди с бешеным характером. По улицам села за короткое время набирали силу стремительные потоки воды, выбивали рытвины да овражки по не заасфальтированным улицам. Проживали мы по улице Советской. В каждом селе обязательно была улица с таким названием. Причем самая лучшая или самая красивая. Наша была самая центральная, ввиду того что располагались на ней все административные здания и любимый всеми сельчанами кинотеатр с броским именем «Заря».

В это лето случился у меня неслыханно щедрый подарок – велосипед.

Старший брат уехал на учебу в город и оставил мне это двухколесное чудо во временное пользование. Зависти окружающим меня мальчишкам не было предела. Вот эта зависть и сыграла доброе дело: моему другу и соседу Вовке родители тоже купили велосипед. Правда, подростковый, не такой как у меня, солидный и прочный. Круг наших познаний окрестностей села сразу раздвинулся на десяток километров вокруг. В один из летних дней, утром, пока еще солнце не набрало полную силу, отправились мы с ним в очередной во-
яж. Вволю накупавшись в речке с древним названием Каин-

да, заторопились мы домой. Да и в пору было поторопиться – грозовая туча грозила нам внеплановым купанием. Переждав грозу в помещении животноводческой фермы, мы дружно принялись наматывать километры на колеса своих «великов», торопясь домой.

Километра за три от дома дорога шла под горку, а в переулке, ведущем на нашу Советскую улицу, имела одно неоспоримое преимущество: глина, составляющая местный «асфальт», имела небольшой уклон и поэтому не размокала под дождем, и была укатана до зеркального блеска. Рули себе беззаботно, гордо восседая в седле велосипеда. Крикнув другу Вовке, чтобы не отставал, нажал я пару раз на педали, для большей скорости, и понесся под горочку.

Поздно понял, какую коварную ловушку подготовила мне шальная гроза. Перед выходом на улицу потоки воды нанесли тонкий слой мокрой и скользкой глины.

Попытался я в последней момент прижаться к обочине и «врубить» на полную мощность задний тормоз – да куда там! Юзом несло меня дальше, чуть – чуть уменьшив скорость. Сердце обдало жаром страха – меня выносило под колеса стремительно надвигавшемуся слева грузовику.

И тут наперерез мне выскочила серая собака. Что такого – собаки любят гоняться за велосипедистами. Тут знай: не крути педали, и она отстанет. Но эта отставать не думала. Да бежала не за ногами, а наперерез, доли секунды – и она, пружинно оттолкнувшись от земли, прыгнула мне на грудь,

свалив меня на обочину метрах в трех от пролетевшего грузовика. Когда затих скрип тормозов, шофер, открыв дверцу, крикнул мне: «Смотри, куда прешь! Скажи, пацаненок, спасибо собаке, если бы не она, влетел бы ты под колеса!» Добавив пару крепких выражений в мой адрес, хлопнул дверцею машины и поехал дальше.

Приземлился я более чем удачно: ссадины на колене и ушиб локтя. Собака стояла рядом, радостно повизгивая и виляя хвостом. Я в изумлении протянул к ней руку – по белым подпалинам узнал своего Джульбарса!

Лет шесть назад возвращался я из школы, радостно размахивая сумкой, не обращая не малейшего внимания на то, что могли пролиться чернила из чернильницы-непроливашки.

Еще бы – весна! А тут и каникулы через две недели – тоже повод для хорошего настроения.

Срезая угол пустыря, услышал я слабый писк, почти стон. В ямке, вытаянной остатками тепла, дрожал и попискивал маленький щенок. Чья злая рука бросила его замерзать на смерть в довольно еще холодный мартовский день? Я схватил его окоченевшее тельце и, расстегнув телогрейку, засунул себе под свитер. Щенок затих, почував тепло и надежду на спасение.

Домашние не обрадовались моей находке. В семье шестеро, время не такое сытное, где держать, чем кормить? Мать категорически заявила: «Унеси где взял!». Но я задал тако-

го рёву, что отец, погладив меня по голове, пошел вместе со мной устраивать мою находку в теплый хлев вместе с коровами. Убедившись, что сытый щенок отогрелся и мирно спит, зарывшись в сено, я успокоился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.